

Т. С. Симян

Ереванский государственный университет

**О ТИПОЛОГИЧЕСКОМ СЮЖЕТЕ КРАСНОЙ ШАПОЧКИ
В ЕВРОПЕЙСКОМ И АРМЯНСКОМ КОНТЕКСТАХ
(НА ПРИМЕРЕ ПЕРРО, БРАТЬЕВ ГРИММ,
КАЛФАЯНА, ПАРОНЯНА, ДАДИАН ВАЙТ)**

В типологическом ключе в статье показаны мотивемные (термин Пайка) «расхождения» между первичными европейскими «инвариантами» (Перро, Братья Гримм) и их переложениями, «эманации» в армянских переводах. Статья описана в семиотическом, типологическом ключе, также учтены теоретические предпосылки В. Проппа, А. Дандеса, Ю. Лотмана. Мотивемный и типологический анализ эмпирического материала показал, что вариант Красной Шапочки у Перро был адресован взрослому реципиенту, а у братьев Гримм – детям. Реципиенты и культурный контекст (Просвещение, романтизм) сыграли важную роль при обработке фольклорного материала. Мотивемы и функции волшебной сказки имели существенное значение при построении авторской наррации. Армяно-американская версия Красной Шапочки представляется как нейтральная версия по отношению европейским первоисточникам. Основная фабула сказки взята от Перро, но с некоторой редакцией, без ужасающих моментов, поскольку адресантом данной сказки являются дети дошкольного возраста армянской диаспоры, живущие во внеязыковом пространстве своих предков.

Ключевые слова: Красная Шапочка, мотив, мотивема, авторская сказка, типология сказки, функция, трансформация текста.

Введение

Как известно, сказка «Красная Шапочка» (Little Red Riding Hood) является одним из самых популярных текстов, который не раз подвергался всевозможным художественным переработкам в разных культурах. Данный сюжет¹ на основе устных вариантов Красной Шапочки (Джамбаттиста Базиле) был обработан во Франции Шарлем Перро (1628–1703), издавшим сказку² в 1697 г. в сборнике «Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями» под названием «Le Petit Chaperon Rouge» (досл. «Маленький красный шаперон»).

¹ Сюжет рассматривается как парадигма событий [Силантьев, 2014, с. 3].

² Об истории жанра в контексте французской литературы см. [Андреев, 1936б, с. IX–XX].

Симян Тигран Серджикович – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы, Ереванский государственный университет, факультет романо-германской филологии (ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Армения, tsimyan@ysu.am)

Первоисточником для данной переработки послужил материал из сборника «Сказка сказок, или Времяпровождение старушек» (1634–1636), автором которого является итальянский писатель Джамбаттиста Базиле (ок. 1575–1632). Обращение Перро к «низовому» жанру, к «презренному искусству» произошло в контексте «Спора Новых и Старых» [Фаттахова, 2006, с. 63]³.

Сказка о Красной Шапочке была зафиксирована спустя век после французского варианта в контексте немецкого Просвещения и романтизма братьями Гримм⁴. Информантом для братьев Гримм была Доротея Виман из гугенотской семьи, выросшая в мире французских сказок. Братья Гримм отшлифовали и отполировали старое по-новому, а некоторые сказки были осмыслены произвольно-новаторски [Maag, 2010, S. 7]. На примере «Красной Шапочки», автор данной статьи проиллюстрирует вышесказанное.

Не является исключением также и армянская культура, поскольку сюжет «Красной Шапочки» был переведен и интерпретирован и на армянский лад. Проблема в том, как заметил Умберто Эко в эссе «Как я пишу», что «история Красной Шапочки настолько сосредоточена на фавуле и (в меньшей степени) на сюжете, что может быть легко встроена в любой дискурс: рассказана на любом языке (немецком, французском), показана в виде мультфильма или нарисована в виде комиксов. Что, собственно, с ней и происходит» [Эко, 2016, с. 384–385].

Цель данной статьи – детально показать мотивемные (термин Пайка)⁵ «расхождения» с европейскими «инвариантами» (Перро, Братья Гримм) армянских переводов и переложений. Следует оговориться, что авторские литературные переработки Красной Шапочки (КШ) Перро, Братьев Гримм будем считать «первичными» вариантами сказки по отношению ко всем последующим текстовым интерпретациям, поскольку последующие текстовые переинтерпретации сказки являются «эманациями» первичных вариантов.

Прежде чем перейти к основной проблеме сравнения европейских и армянских вариантов или модификаций изложения сказки, рассмотрим мотивемные особенности «первичных» европейских текстов КШ.

Следует отметить, что как мифы, так и сказки были когнитивными матрицами древних, архаических обществ, в синтагмах которых были заключены коллективные коды для поддержания гомеостаза данного общества, с той лишь разницей, что сказки имеют литературную-эстетическую или поэтическую функцию языка (по Якобсону) в противовес референтивному (мифы). Что касается авторских пе-

³ О споре см. также [Блюменфельд, 1936, с. 3–16; Simyan, Kačane, 2018].

⁴ В контексте немецкого романтизма данный сюжет был литературно переработан Людвигом Тиком. Подробнее об этом см. [Зотова, 2012].

⁵ Кеннет Пайк предложил вместо термина Проппа «функция» термин «мотифема». Терминологическое предложение Пайка Алан Дандес объясняет тем, что «термин “функция” не получила в настоящий момент широкого распространения среди фольклористов» [Дандес, 2003, с. 24]. По ходу описания эмпирического материала термины *функция* и *мотифема* будем рассматривать как синонимы. Укажем также, что в данном контексте мотивы (Веселовский) можно рассматривать как парадигматические единицы, а мотифемы (пропповские функции) – как синтагматические. Приведенная оппозиция «мотив vs мотифема (функция)» совпадают с оппозицией Кеннета Пайка «этическое vs эмическое»; этические единицы целесообразны для сравнительных кросскультурных исследований, а эмический подход – для моноконтекстуальных исследований [Там же, с. 23]. Иными словами, анализ и описание этических единиц, по сути, приведет к парадигматическому описанию мотивов, а эмический – к синтагматическому на уровне отдельных текстов, т. е. эмический анализ синтагм порождает классическое структуралистическое исследование, а этическое выходит за рамки традиционного структурализма к типологии культуры, литературы (в лотмановском понимании).

переработок сказки «Красная Шапочка» Ш. Перро и братьев Grimm, то к архаическим мотивам добавились и преломились социально-когнитивные коды данной эпохи.

Например, сказка Перро первоначально функционировала в контексте французских литературных салонов конца XVII – начала XVIII в., а главное послание своему читателю заключается в том, чтобы «действовать на читателя с большей приятностью, вместе и поучая, и развлекаая» [Перро, 1991, с. 7], т. е. читатель от эстетической коммуникации должен был познавать новое и получать эстетическое удовольствие. Как было замечено В. Блюменфельдом, сказки, как жанр «низких», смог попасть на стол социального «верха», образованного светского общества только через шутливость [Блюменфельд, 1936, с. 17], где рассказчицей стала матушка Гусыня.

Типологически концепция Перро не была новостью для европейского контекста, поскольку подход Перро является почти дословным повторением художественной концепции «Декамерона» Боккаччо: «Читательницы получают удовольствие, – столь забавны приключения, о коих здесь идет речь, и в то же время извлекают для себя полезный урок: они узнают, чего им надлежит избегать, а к чему стремиться. И я надеюсь, что на душе у них станет легче» [Боккаччо, 1989, с. 16]. Из цитаты можно вывести, что рассказанные новеллы должны доставить читателю женского пола прежде всего интеллектуальное (и эстетическое) удовольствие.

Ш. Перро мог придать своим текстам также «большую приятность, если позволил себе иные вольности, которыми их обычно оживляют; но желание понравиться читателям никогда не соблазняло меня настолько, чтобы я решился нарушить закон, который сам себе поставил – не писать ничего, что оскорбляло бы целомудрие или благопристойность» [Перро, 1991, с. 9]. Из цитаты видно, что автор сказок не карнавализировал и не эротизировал материал для большей привлекательности, поскольку демаркационная линия проходила через этические нормы. Исходя из авторского замысла и исторического контекста, в последующем анализе данного материала больше всего обратим внимание на социально-когнитивные коды данных текстов. Анализ эмпирического материала будем проводить в типологическом, семиотическом и в функциональном ключе.

О типологическом соотношении сказки «Красная Шапочка» Ш. Перро и братьев Grimm

Опишем это на эмпирическом материале «первичных» европейских текстов. В текстах Ш. Перро и братьев Grimm выделим основные социально-когнитивные мотивы-коды, релевантные для социализации подрастающего поколения, по сути, являющиеся одновременно когнитивными и ценностными напоминаниями и взрослому миру. По отношению к варианту Перро сказка братьев Grimm является своеобразной модификацией французского «первоисточника».

Для краткости описания представим социализационные, дидактические и познавательные коды «первичных» текстов [Перро, 1991; Братья Grimm, 1998] (табл. 1).

Таблица 1

	Ш. Перро	Братья Grimm
1	Мать любила КШ без памяти	–
2	Бабушка еще больше любила КШ	Бабушка любит КШ
3	Бабушка дарит внучке красную шапочку	Бабушка дарит КШ шапочку из красного бархата

	Ш. Перро	Братья Гримм
4	КШ идет навестить больную бабушку и относит лепешку и горшочек масла	КШ относит больной и слабой бабушке еду (кусочек пирога ⁶ и вино) [Братья Гримм, 1998, с. 13]
5	–	<u>Наставления матери</u> КШ выходит до наступления жары КШ не должна сворачивать с дороги Свернешь с дороги, упадешь и разобьешь бутылку КШ должна поздороваться с бабушкой и не заглядывать во все углы [Братья Гримм, 1998, с. 15]
6	<u>Волк выведывает и вводит в заблуждение КШ</u> Волк узнает о местоположении дома бабушки (за мельницей первый дом в деревне) Волк вводит КШ в состязательную ситуацию: предлагает ей идти по одной дороге, а сам идет по другой	<u>Злой Волк выведывает и вводит в заблуждение КШ</u> Волк узнает о местоположении дома бабушки (в лесу, четверть часа от места встречи КШ и Волка, «под тремя большими дубами» рядом с орешником) [Братья Гримм, 1998, с. 15]. Обращает внимание КШ на славных птичек, цветы, КШ решает подарить бабушке свежий букет цветов, порадовать ее [Братья Гримм, 1998, с. 15]
7	Волк идет короткой дорогой, а КШ – «более длинной»	«Волк побежал прямо к бабушкиной избушке» [Братья Гримм, 1998, с. 15]
8	КШ «срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков» [Перро, 1991, с. 27]	Собирает цветы, «набрала она букет большой-пребольшой» [Братья Гримм, 1998, с. 15]
9	Социолекты –	Социолекты КШ здоровается с бабушкой – «Доброе утро» [Братья Гримм, 1998, с. 18]
10	<u>Диалог КШ и Волка в постели бабушки</u> А. Большие руки для крепких объятий Б. Большие ноги, чтобы хорошо бегать В. Большие уши, чтобы хорошо слышать	<u>Диалог КШ и Волка в доме бабушки</u> [Братья Гримм, 1998, с. 18] Б. Большие уши для хорошего слуха В. Большие глаза для хорошего зрения А. Большие руки для легкого объятия Г. Страшно большой рот для проглатывания

⁶ В оригинале употребляется слово «Kuchen», что может означать не просто пирог, но сладкий пирог или пирог со сладкой начинкой.

	Ш. Перро	Братья Гримм
	Г. Большие глаза для хорошего зрения Д. Большие зубы для съедения	
11	Волк проглатывает КШ [Перро, 1991, с. 27]	«Волк проглатывает бедную КШ» [Братья Гримм, 1998, с. 18]
12	<u>Наказание волка</u> –	<u>Наказание волка</u> Вспарывание брюха Волка ножницами КШ натаскивает камни и набивает брюхо волка. Смерть волка [Братья Гримм, 1998, с. 20]
13	–	Нарратор: освобождение КШ и бабушки из брюха Волка [Братья Гримм, 1998, с. 20]
14	<u>Мораль сказки</u> «Детишкам маленьким не без причин (А уж особенно девицам, Красавицам и баловницам), // В пути встречая всяческих мужчин, // Нельзя речей коварных слушать, // Иначе волк их может скушать // Сказал я: волк! Волков не счесть, // Но между ними есть иные // Плуты, настолько продувные, // Что сладко источая лесть, // Девичью охраняют честь, // Сопутствуют до дома их прогулкам, // Проводят их бай-бай по темным закоулкам... // Но волк, увы, чем кажется скромней, // Тем он всегда лукавей и страшней!» [Перро, 1991, с. 29] ⁷ .	<u>Мораль сказки</u> Охотник содрал с волка шкуру и отнес домой Бабушка подкрепилась и выздоровела КШ подумала: «Никогда больше не буду одна, без позволения мамы, сворачивать с дороги в лес» [Братья Гримм, 1998, с. 20]
15	–	<u>Редактирование сказки</u> Испытание КШ другим волком «Исправление» ошибок внучки и бабушки Косвенное наказание Волка (тонет в воде), и никто не переживает за Волка [Grimms Märchen, 2010, S. 183–184]

⁷ Тот же пассаж под ред. М. Петровского: Нравоучение «Из этой присказки становится ясней: // Опасно детям слушать злых людей, // Особенно ж девицам // И стройным, и прекраснолицым. // Совсем не диво и не чудо // Попасть волкам на третье блюдо // Волкам... но ведь не все они // В своей породе откровенны. // Иной приветливый, почтенный, // Не показав когтей своих, // Как будто бы невинен, тих, // А сам за юною девицей // До самого крыльца он по пятам стремится. // Но кто ж не ведает и как не взять нам в толк, // Что всех волков опасней лстыивый волк» [Перро, 1936, с. 28].

Из схематического описания двух европейских «первичных» текстов видно, что у Перро не маркирована любовь к матери. У братьев Grimm акцентирован материал подарка (бархат, Sammet [Grimms Märchen, 2010, S. 181]) самой шапки, что, в свою очередь, указывает на ценность подарка как знака любви. Интересно, что в тексте Перро под редакцией С. Маршака вводится добавочный социальный код: бабушка внучке красную шапочку подарила на день рождения [Перро, 1982, с. 27], таким образом вводится социальный (советский) код – подарок дарится не просто так, а по поводу.

Еда бабушки КШ «огерманизировалась»: лепешка (Перро) vs пирог (братья Grimm), горшочек масла (Перро) vs вино (братья Grimm).

Если в варианте Перро внучка несет бабушке *еду* (сухое), то у братьев Grimm она приносит *еду* (сухое) и *питье* (жидкое). Вино не следует воспринимать как алкоголь, а как эрзац воды. В тексте братьев Grimm (см. табл. 1, 5-я строка) указана дидактизированность, детальность немецкого варианта (выходить до наступления жары, не сворачивать с дороги, поздороваться с бабушкой и т. д.), что отсутствует у Перро. На воспитанность КШ в варианте братьев Grimm указывает мотивема приветствования КШ Волка (см. табл. 1, 9-я строка), что отсутствует у Перро, но в «маршаковском» (советском) варианте «Красной Шапочки» присутствует: «Поздоровалась она с Волком и говорит...» [Перро, 1982, с. 29].

Функция *подвоха*, по Проппу, присутствует у Перро. Волк предлагает пойти разными путями, тем самым вводя состязательность между собой и КШ. Акцентирован этот момент и в немецком варианте (Волк указывает на цветы и птички, см. табл. 1, 6-я строка), что отсутствует в «маршаковском» варианте [Перро, 1982, с. 29]. Функции-мотифемы *подвоха*, *выведывания* (Волк узнает о местожительстве бабушки) и в варианте Перро, и в варианте братьев Grimm (см. табл. 1, 6-я строка) указывают на модель волшебной сказки, но в авторском исполнении.

Поскольку литературные сказки были зафиксированы в разных культурных контекстах, братья Grimm в духе эпохи Просвещения «отредактировали» место диалога между Красной Шапочкой и Волком. Если у Перро диалог между ними о больших руках, ногах, ушах, глазах и зубах происходит в постели, то в немецком варианте – в доме бабушки, без тактильного контакта и эротической акцентировки (постель vs дом бабушки).

Типологическое сравнение двух текстов показывает, что в обработке братьев Grimm в сказке встречается больше дидактических, прагматическо-утилитарных мотивем-кодов (см. табл. 1, строки 5, 6, 9), чем у Перро. В текстах Перро и братьев Grimm (11-я строка табл. 1) показана метафорическая смерть (проглатывание)⁸, а в варианте братьев Grimm ужас КШ от «темноты в теле Волка»⁹. Если у Перро ужасный конец, то в сказке братьев Grimm **беда ликвидируется, враг наказывается** (19, 30 функции по Проппу), что можно увидеть в 12-й и 13-й строках табл. 1.

В сказке братьев Grimm КШ «агрессивная», она сама наказывает Волка-вредителя, набив его брюхо камнями. Интересно, что в подлиннике Перро нет ни пассажа о наказании Волка, ни случайно проходивших мимо дома бабушки КШ дровосеков с топорами, убивающих Волка, ни освобождения КШ и бабушки из брюха Волка, проглотившего не только КШ, но и ее башмаки и красную шапочку,

⁸ Во французских и итальянских фольклорных вариантах в «конце» сказки «Красная Шапочка» присутствуют архаичные мотивемы людоедства: «Волк заставляет КШ есть тело бабушки и выпить ее кровь (в качестве вина)» [Андреев, 1936а, с. 366].

⁹ После освобождения бабушки и внучки из утробы Волка Красная Шапочка произносит: «Ах, как я была напугана, как темно было в животе волка» («Ach, wie war ich erschrocken, was war's so dunkel in dem Wolf seinem Leib») [Grimms Märchen, 2010, S. 183].

но переводчик-редактор сказки «Красная Шапочка» Перро Самуил Маршак в русском «переводе» отредактировал и допустил вольности, особенно в «конце» сказки. Кроме того, в диалоге КШ и Волка редактор «опустил» объяснение функции ног [Перро, 1982, с. 30]. По сути, С. Маршак в русском переводе синтезировал «конец» братьев Grimm с текстом Перро.

Следует заметить, что в наррации сказки, по сути, имеются все мотивемы, или функции, волшебной сказки:

А. КШ отлучается от матери (отлучка кого-либо из членов семьи, герой покидает дом, функция 1, 11, по Проппу),

Б. КШ не слушает мать (нарушение запрета, функция 3), что больше акцентировано в варианте братьев Grimm (см. табл. 1, 5-я строка),

В. Волк узнает у КШ о местожительстве бабушки (выведывание, табл. 1, строки 6, 9),

Г. Выведывание Волка как предпосылка *подвоха* (по Проппу) (см. табл. 1, строка 6),

Д. Волк узнается, когда съедает КШ (ложный герой или антагонист изобличается, функция 28),

Е. Убивают Волка (антагонист побежден, функция 18, 26),

Ж. Охотники или КШ наказывают Волка (враг наказывается, функция 30)¹⁰.

Заметим, что после наказания Волка сказка братьев Grimm не заканчивается, а снова «переигрывается» (начиная с 15-й строки, см. табл. 1), но уже КШ доходит до бабушки безошибочно, т. е. не сворачивает с дороги. Исправляет свою ошибку и бабушка. Они вместе запираются на замок и не открывают дверь Волку-псевдодарителю, принесшему выпечку. Срабатывает и план Волка; он притаился на крыше дома бабушки и ждал КШ, чтобы на обратном пути в сумерках съесть ее («<...> wollt's in der Dunkelheit fressen») [Grimms Märchen, 2010, S. 184]. Волк действует в темное время и не может совершать зло в светлое время суток. КШ объясняет, почему при первой встрече Волк не съел ее: «Если бы не было встречи на открытой улице, то он съел бы меня» («Wenn's nicht auf off'ner Straße gewesen wäre, er hätte mich gefressen») [Ibid.].

«Открытая улица» указывает на феномен города, «социализируется» пространство волшебной сказки. Замена места – леса на улицу, при первой встрече КШ с Волком указывает на социальность зла и повышает дидактичность «переигрывания» сказки.

Если в первом «акте» при наказании Волка активную роль берет на себя КШ, набив брюхо Волка камнями, то во втором «акте» сказки Волк, учуяв запах колбасы («Würsten»), потянулся, и, потеряв равновесие, упал с крыши через дымоходную трубу в большое корыто и утонул. По сути, Волк случайно «наказывается» при утолении своих биологических потребностей (утоление голода), и за него никто не переживает, а сама КШ возвращается домой [Grimms Märchen, 2010, S. 184]. По сути, второй «акт» является авторской переинтерпретацией первого «акта», чтобы реципиенты текста увидели правильное поведение героев во избежание несчастья, зла и гибели. Еще одна принципиальная разница между двумя европейскими вариантами заключается в том, что шутивная мораль Перро с эро-

¹⁰ Следует указать, что Н. П. Андреев в статье «Шарль Перро» указывал только один элемент волшебной сказки. Речь идет о разговоре Шапочки с Волком [Андреев, 1936б, с. XXI]. Если рассмотреть по функциям Проппа, то разговор человека и волка не может считаться функцией волшебной сказки, а должен восприниматься как «продукт» художественной условности.

тическим подтекстом, по сути, является главной авторской интерпретацией с социальной точки зрения в шутивно-поэтической форме о сути сказки: девицы, красавицы, баловницы vs обольститель мужчина-Волк.

Та же смысловая нагрузка в варианте братьев Grimm (см. табл. 1, строки 14 и 15). Если 14-я строка является внутренним умозаключением самой героини, то «переигровка» сказки становится наглядной репрезентацией правильного поведения на языке сказки.

Функциональный (или мотивемный) и типологический анализ текстов показывает, что и вариант Перро, и вариант братьев Grimm имеет много мотивем из волшебной сказки. Но текстологическая разница между этими сказками заключается в том, что высокая дидактичность и презентация когнитивных мотивем в варианте братьев Grimm указывает на сравнительно высокое авторское вмешательство в язык наррации волшебной сказки. Вполне прав был фольклорист Андре Жули, когда в книге «Малые формы» (1930) прямо указал на «жанр Гриммов» [Schede, 2004, S. 55]. Функционально-типологический анализ на примере сюжета «Красной Шапочки» показал, что подход Вильгельма Гримма потерпел фиаско и не смог настоять на своей позиции, а именно – представить сюжет по возможности в аутентичном виде. Концепция романтиков в лице Якоба Гримма в обработке данного сюжета одержала победу.

А теперь перейдем к рецепции сюжета «Красной Шапочки» в армянской культуре.

Армянский вариант Красной шапочки (Калфаян, Паронян)

В западно-армянской литературе XIX в. к «Красной Шапочке» обращались дважды. В 1861 г. Амбросиус Калфаян в Париже издает «Хрестоматию» («Տիրաբան») для школьников, в которой печатается не перевод, а пересказ сказки «Красная Шапочка» («Կարմիր գլխարկիկ») [Калфаян, 1861]. Если *перевод* является в каком-то смысле «калькой» первичного текста, то по сравнению с «дословным» переводом *пересказ* сюжета еще больше удаляет коррелированный текст от европейских «первоисточников».

Эту же сказку литературно переработал на армянский лад и армянский сатирик Акоп Паронян (1843–1891), но под заголовком «Красная Розочка» (1876)¹¹, которая, по сути, является гибридным вариантом европейских «первичных» текстов. Схематически представим (когнитивные) мотивемы армянских текстов (табл. 2).

Таблица 2

	Калфаян	Паронян
1	КШ деревенская девочка	КР ¹² деревенская девочка
2	Мать любила КШ без памяти	Мать любила КР без памяти
3	Бабушка тоже любила внучку – КШ	Бабушка тоже любила внучку – КР
4	КШ получает от бабушки в подарок красную шапочку Имя: Красная Шапочка	Любила носить в волосах красную розочку Имя: Красная Розочка
5	КШ посещает больную бабушку с едой (пирожок с маслом)	КР относит больной бабушке кашу (խիշիճ – сладкая каша из поджаренной на масле муки)

¹¹ Об историко-сравнительном анализе этого текста см. [Макарян, Согоян, 2017].

¹² В тексте Пароняна Красная шапочка (КШ) превращается в Красную розочку (КР).

	Калфаян	Паронян
6	–	Мать наставляет при встрече с бабушкой поцеловать ей руку
7	–	Нарратор: «девочка не знала, как недальновидно и опасно останавливаться и разговаривать с Волком»
8	–	Волк с помощью клубка быстрее добирается до дома бабушки по прямой и короткой дороге.
9	КШ собирает желуди, цветы, бегает за бабочками	КР собирает цветы в букеты, 1000 раз меняет розочки на голове
10	Диалог Волка с бабушкой. Наивность бабушки (открывает дверь)	Диалог Волка с бабушкой. Наивность бабушки (открывает дверь)
11	Волк предлагает КШ прилечь к себе в кровать	Волк предлагает КР прилечь с ним в кровать, чтобы «развеять печаль / тоску» («վարձու արևել»), «насладиться запахом» («հոտով լցուանիս»)
12	<u>Диалог КШ и Волка в постели бабушки:</u> Большие руки для крепких объятий Большие ноги для быстрой ходьбы Большие уши для острого слуха Большие глаза для хорошего зрения Большие <u>зубы</u> для съедения	<u>Диалог КР и Волка в постели бабушки:</u> Большие руки для крепких объятий Большой <u>рот</u> для съедения Большой нос для обоняния Волосы на теле для поддержания тепла
13	<u>Мораль сказки</u> <u>Наставления детям:</u> «Не рассказывайте про ваши деяния и замыслы незнакомцам, поскольку не все люди добры»	<u>Мораль сказки</u> <u>Наставления детям:</u> « <u>Не должны ничего рассказывать незнакомцам, откуда идут, что у них в руках – сладкая каша или хориз (сладкая начинка в слоеном тесте), поскольку не все люди добры</u> » « <u>Быть может, однажды встретят человека, такого, как злой волк, который лестью, сладким языком заманивает в капкан</u> »
14	<u>Наказание Волка</u> <u>отсутствует</u>	<u>Наказание Волка</u> <u>отсутствует</u>

Из табл. 2 видно, что и у Калфаяна, и у Пароняна КШ деревенская девочка (1-я строка), а у Перро она просто «живет в деревне» [Перро, 1991, с. 27]. Одна из «вольностей» Калфаяна в том, что КШ собирает желуди, бегает за бабочками (см. табл. 2, строка 9), чего нет ни в одном из европейских и армянских вариантов. Заметим, что у Перро – орешки [Там же]; смена орешка на желуди является региональной «адаптацией». Для детей, по логике старозаветного перевода, инжир заменяется на яблоко, так как яблоки имеются везде. Если рассматривать смену слова из внутренней логики текста, то желудь выпадает из гиперонима *еда*.

В 12-й строке (см. табл. 2) у Пароняна наблюдается «инновативная» деталь. Если функции рук, ушей, глаз и зубов / рта в основном встречаются в вариантах Перро, братьев Grimm, Калфаяна, то у Пароняна вместо функции зубов объясняется функция рта, носа, волос на теле (см. табл. 2, строка 12). Общность и разница в пароняновском и гриммовском вариантах заключается в том, что функция рта Волка объясняется с разных точек зрения. В варианте братьев Grimm рот Волку нужен, чтобы проглотить (см. табл. 1, строка 10), а у Пароняна, чтобы съесть (см. табл. 2, строка 12).

Очевидность и наглядность функций частей тела представим в виде таблицы (табл. 3).

Таблица 3

	Руки	Уши	Глаза	Зубы	Рот	Нос	Ноги	Волосы на теле
Перро	+	+	+	+	–	–	+ ¹³	–
Гримм	+	+	+	–	+	–	–	–
Калфаян	+	+	+	+	–	–	+	–
Паронян	+	–	–	–	+	+	–	+

По поводу морали сказки у Калфаяна и Пароняна можно заметить, что армянские тексты адресованы непосредственно детям, и опущен игривый эротический модус морали (ср. табл. 1, строка 14 и табл. 2, строка 13). Из таблицы видно, что пароняновская версия сказки КШ самая удаленная от европейских «первоисточников», но одновременно базируется почти на дословном переводе Калфаяна. Сказанное обосновывается в 13-й строке табл. 2.

Инновативность пароняновской версии заключается в том, что название сказки изменено: «Красная Шапочка» vs «Красная Розочка». Деревенская девочка всегда носит в волосах красную розочку, приносит своей бабушке не лепешку и горшочек масла (Перро), не кусок пирога с вином (братья Grimm), а сладкую кашу (арм. խաւիճ, Khavic). Армянский автор локализирует еду. Кроме того, вводится национальный код армян XIX в. В сказку нарратор вставляет свой комментарий по поводу неправильного поведения Красной Розочки (см. табл. 2, строка 7), и еще добавляется интереснейшая деталь: Волк идет к дому бабушки с помощью клубка по самой короткой дороге, что является аллюзией на аксиому: «всякая прямая короче всякой кривой». В пароняновском варианте Волк имплицитно моделируется как образованный «культурный герой».

В пароняновском варианте эпизод диалога Волка с Красной Розочкой в постели бабушки имплицитно эротизирован, поскольку Волк хочет развеять тоску и насладиться ее запахом. Именно этим объясняется функция носа (см. табл. 3). Если рассмотреть с точки зрения взрослого сознания пароняновское нововведение, а именно объяснение функции волос на теле Волка в оппозиции Красной Розочки, то эпизод сильно эротизирован. Сказанное подтверждается и указанием обстоятельства места – диалог в общей кровати, а также детали ольфакторики (наслаждение запахом) и тактильности (развеять тоску, руки для объятий и т. д.). Но следует четко указать, что эротический код вообще неактивен в сознании ребенка, и все вышеперечисленные эротические детали раскрываются в когнитивном ключе.

¹³ В маршаковском варианте Перро объяснение функции ног опущено.

Таким образом, можно заключить, что европейские варианты КШ различны. Для авторов сыграл огромную роль культурный контекст и адресаты сказок. Если вариант Перро был адресован взрослому реципиенту, то вариант братьев Grimm – детям. Именно реципиенты и культурный контекст (Просвещение, романтизм) имели большое значение при обработке фольклорного материала. На уровне мотива, функции волшебной сказки сыграли существенное значение при построении авторской наррации. Поскольку вариант Перро не имел позитивного «конца», редактор С. Маршак создал в советскую эпоху «свой» вариант «Красной Шапочки», который, по сути, стал миксом двух европейских вариантов-первоисточников – вариантов Перро и братьев Grimm. Для армянских вариантов роль первоисточника больше всего сыграл вариант Перро, поскольку в XIX в. в Западной Армении армянские писатели были в основном франкоязычны, именно поэтому рецепция французской литературы более ощутима.

Армяно-американский вариант сюжета КШ

В армянском культурном пространстве XXI в. можно встретить еще одну модификацию сюжета «Красной Шапочки»¹⁴. Поскольку она написана на английском языке, то текст формально относится к американской литературе, но по духу и адресату сказка «армянская», преследующая цель научить детей армянской диаспоры базовым армянским словам, таким как «глаза», «уши», «зубы», «сладкий» и т. д.

Американская писательница армянского происхождения Талене Дадиян Вайт (Talene Dadian White) написала армянскую версию «Красной Шапочки» под названием «Маленькая Красная Шапочка и Плохой Волк: Армянская версия маленькой Красной Шапочки» (Little Red Hood and the Kesh Kayl: The Armenian Version of Little Red Riding Hood, 2011). Представим мотивемы КШ Вайт в сопоставлении с вариантом Перро (табл. 4).

Таблица 4

	Перро	Вайт
1	–	Армянская девочка Ануш
2	Мать любила КШ без памяти Бабушка еще больше любила КШ	Сладкая, простая, любима всеми
3	Бабушка дарит внучке красную шапочку	Бабушка подарила красную шапочку (сделана сильными руками бабушки и с магической любовью в сердце) Имя: Красная Шапочка (Little Red Hood)

¹⁴ В XX в. тема Красной Шапочки преломилась в армянской культуре в жанр анекдота. Но диалог происходит не между КШ и Волком, а между бабушкой и внучкой.

«Арменфильм» снимает фильм «Красная Шапочка». И, значит, кадр такой: приходит внучка к бабушке и спрашивает:

– Бабушка, бабушка, почему у тебя такие большие глаза?

– Чтобы хорошо тебя видеть!

– Бабушка, а почему у тебя большие уши?

– Чтобы тебя хорошо слышать!

– Бабушка, а почему у тебя большой нос?

– Слушай, внучка, ты на свой нос сначала посмотри...» (см.: Фильм! Фильм! Фильм! Анекдоты про знаменитые фильмы, актеров и режиссеров. URL: <https://www.anekdot.ru/id/-30419028/>, дата обращения 20.09.2018).

	Перро	Вайт
4	–	У КШ есть брат Арам, с которым играет в нарды (tavlou)
5	КШ идет навещать больную бабушку (с лепешкой и горшочком масла)	КШ больной бабушке (Metdz Maureeg) должна отнести лагмаджун (lamajun) – любимая еда злого Волка (the Kesh Kayl), который все время бродил вокруг локального магазина, где продавался лагмаджун
6	–	КШ больной бабушке (Metdz Maureeg) должна отнести лагмаджун (lamajun) – любимая еда Волка, который все время бродил вокруг локального магазина, где продавался лагмаджун
7	–	Мать, целуя дочку, отправляет к бабушке и наставляет не останавливаться в лесу Шикаог (Shikahogh Forest)
8	–	Встреча с большим и мускулистым Волком с тонкой, черной шкурой, острыми когтями, кинжалоподобными зубами
9	–	КШ не знала, какое нечестивое и опасное животное Волк рычащий
10	<u>Волк выведывает и вводит в заблуждение КШ</u> Волк узнает о местоположении дома бабушки (за мельницей первый дом в деревне) Волк вводит КШ в состязательную ситуацию: предлагает ей идти по одной дороге, а сам идет по другой	Волк узнает о местоположении дома бабушки (Shikahogh Forest), первый дом в деревне рядом с церковью (yegeghetsi)
11	–	Волк не съедает лагмаджун, поскольку поблизости были дровосеки
12	КШ «срывала орешки, бегала за бабочками, делала букеты из цветочков» [Перро, 1991, с. 27]	КШ собирает зрелые абрикосы (dziraner) для бабушки
13	Волк идет по короткой дороге, а КШ – по «более длинной»	Пока КШ собирает абрикосы, Волк по короткой дороге доходит до дома бабушки
14	–	Волк заходит домой, надевает розовую одежду (hakoosd) и чепчик (kelkharg) и ложится в постель, ожидая КШ и лагмаджун. Бабушка, несмотря на болезнь, пошла на базар (shooga) за лавашом (lavash hatc)

	Перро	Вайт
15	<p><u>Диалог КШ и Волка в постели бабушки:</u> А. Большие руки для крепких объятий Б. Большие ноги, чтобы хорошо бегать В. Большие уши, чтобы хорошо слушать Г. Большие глаза для хорошего зрения Д. Большие зубы для съедения</p>	<p><u>Диалог КШ и Волка в доме бабушки</u> А. Большие уши (aganchner) для хорошего слуха Б. Большие глаза (achqer) для хорошего зрения В. Большие зубы (agra) для съедения лагмаджун Г. Волк становится на задние лапы и, рыча, хочет съесть лагмаджун</p>
16	–	<p>Волк начинает стонать и плакать, как будто сглотнул маленький уголек. А на самом деле красный капюшон магически сжег его язык и горло</p>
17	<p>Волк проглатывает КШ [Перро, 1991, с. 27]</p>	–
18	–	<p><u>Наказание волка:</u> Дровосеки и бабушка перекрывают дорогу убегающему Волку. Сердце бабушки почувствовало на обратной дороге с базара беспокойство, и она позвала на помощь дровосеков. Дровосеки посадили волка в клетку и отправили в Сибирь. Провел оставшуюся жизнь на снежной пустоши, где не мог больше никому причинить вред и не мог есть все время лагмаджун</p>
19	<p><u>Мораль сказки</u> «Детишкам маленьким не без причин (А уж особенно девицам, Красавицам и баловницам), // В пути встречая всяческих мужчин, // Нельзя речей коварных слушать, // Иначе волк их может скушать // Сказал я: волк! Волков не счесть, // Но между ними есть иные // Плуты, настолько продувные, // Что сладко источая лесть, // Девичью охраняют честь, // Сопутствуют до дома их прогулкам, // Проводят их бай-бай по темным закоулкам... // Но волк, увы, чем кажется скромней, // Тем он всегда лукавей и страшней!» [Перро, 1991, с. 29]</p>	–
20	–	<p>КШ продолжает носить красную шапочку, всегда оберегающую ее любовью и силой бабушки, как всех армянских детей</p>

Как видно из табл. 4, фабула сказки Перро «арменизирована», иными словами, добавлено очень много армянских кодов (имена, топонимы и т. д.). Рассмотрим эти коды.

Например, КШ названа распространенным армянским именем Ануш (досл. ‘сладкая’), а ее брат – Арамом (Ah – rah, досл. ‘высокий’, ‘экзальтированный’). Ануш отправляется к бабушке (Metdz Maureeg, досл. ‘старшая мать’) через Шикаог лес (Shikahogh Forest, досл. ‘Горячепочвенный лес’). Это заповедник, находящийся на территории нынешней Армении. Армянский топоним, по сути, отсылает армянских детей диаспоры в Армению, на родину. Иными словами, создается посыл для подрастающего англоговорящего поколения привить интерес к Родине, посетить страну предков.

Дом Старшей матери Ануш находится не у мельницы (Перро) и не рядом с орешником (Братья Гримм), а конкретно рядом с церковью (yegheghetsi), т. е. пространство природы заменено на культурное пространство. Церковь в диаспоре является местом встречи армян в прямом и переносном смысле, цементируя диаспоры армян в ценностном плане, вводит армянские коды, поддерживает и моделирует армянскую идентичность.

На уровне ощущений и пищи армянский вариант КШ знакомит юного читателя с абрикосом, одним из гастрономических символов Армении. Ануш собирает сладкие абрикосы (IV, 12) вместо орешков и цветов (Перро). А что касается еды для бабушки Ануш, то мать велела отнести лагмаджун, вместо лепешки и горшочка масла (Перро), пирога и вина (братья Гримм). Заметим, что автор армянского варианта сказки отчасти арменизировала название еды, поскольку лагмаджун настолько был любим и распространен на территории Западной и Восточной Армении, что считается неотъемлемой частью армянской кухни. Но этимология слова *лагмаджун* арабская, и в переводе с арабского означает ‘мясо с тестом’.

На современном этапе эта лепешка продается в разных странах и обозначается как армянская пицца, турецкая пицца или ливанская, арабская. Национальный индикатор в названии данной лепешки зависит от маркетинговой тактики, а также от акцентирования национальной кухни и принадлежности тому или другому народу. В контексте сказки лагмаджун является частью армянской кухни, поскольку он является одним из любимых блюд армянской диаспоры, выходцев из Западной Армении (нынешней Турции), Сирии, Ливана и т. д. Лагмаджун едят не только герои сказки, но и Плохой Волк (the Kesh Kayl), караулящий около магазина (IV, 5). Как видно, наличие магазина указывает на освоенное человеком пространство, что не встречается в европейских авторских переработках.

Кроме того, наряду с лагмаджун в армянской версии сказки КШ упоминается еще лаваш – тонкая лепешка, разновидность хлеба. Он является одним из неотъемлемых атрибутов армянской кухни. По сути, он многофункциональный. Во-первых, он «упаковочный материал». В него можно завернуть сыр, зелень и т. д. и доставить до работающего в поле или в горах работника-мужа. Во-вторых, лаваш – это хлеб, который работник-муж съедал с сыром от периферии к центру, в конце, когда оставался последний кусочек лаваша, использовал его как салфетку; а очистив губы, съедал оставшийся кусочек¹⁵. Заметим, что автор сказки не сильно отделился от французского «первоисточника», поскольку и лагмаджун, и лаваш попадают в семантическое пространство лепешки-гиперонима, как его разновидности, как пример гипонима.

В сказке есть еще одно смещение относительно европейских «первоисточников». Арам, брат Ануш, играет в тавло (а) (дрв. греч., греч., тур.) – западно-армян-

¹⁵ Автор статьи признателен армянскому историку, медиевисту, профессору Ерванду Маргаряну, сообщившему о функциях лаваша.

ский вариант обозначения нарды. Эту игру древние персы называли «неравдашир» (пехл.), англичане и немцы – «begammon», французы – «трик-трак». По сути, эта игра, как лагмаджун, лепешка хлеба (лаваш), мясное блюдо толма, является «пограничным» феноменом.

Читателю предлагается еще одно «армянское» слово вместо английского эквивалента *market* – *Shooga* (базар, рынок), перенятое из ассирийского языка, но сохранившееся и активно используемое в современном армянском языке. Исходя из фабулы повествования, Талене Вайт такие базовые слова, как *bacheeg* (поцелуй), *hakoosd* (одежда) *kelkharg* (чепчик), *yuni* (*aganchner*), *glaza* (*achqer*), *zuby* (*agra*) решила преподнести в армянских вариантах. Еще одна отличительная черта армянского варианта заключается в том, что красная шапочка (*red hood*) обозначается «*garmir klghanotz*», которой приписывается магическое значение, поскольку была сделана с любовью в сердце бабушкой Ануш. Когда Плохой Волк напал и хотел съесть лагмаджун (а не Ануш!), кромка красной шапочки, как огонь, обожгла его язык и горло (IV, 16).

Заметим, что в тексте Талене Вайт опущены все ужасающие сцены (проглатывание бабушки, внучки, наказание Волка, по Перро) и «конец» сказки переработан в духе братьев Grimm, поскольку описывается эпизод наказания волка (IV, 18). Но «конец» представлен в авторской интерпретации-сюжете: отправка Плохого Волка в Сибирь, чтобы он провел оставшуюся жизнь в морозе, холоде, в снегом покрытой пустыни и без лагмаджунов. Отсюда можно вывести, что Сибирь моделируется как «край» Земли. Если финал у Перро «ужасный», то в армянском варианте *happy end*: Ануш продолжает носить красную шапочку, защищавшую ее силой и любовью бабушки, как всех армянских детей (IV, 20).

Таким образом, армяно-американская версия КШ представляется как нейтральная по отношению к европейским первоисточникам. Основная фабула сказки взята у Перро, но с некоторой редакцией, без ужасающих моментов, поскольку адресатом данной сказки являются дети дошкольного возраста армянской диаспоры, живущие вне языкового пространства своих предков. По сути, эта сказка является учебным пособием для обучения базовым словам армянского языка. Именно эта интенция и стала главным генератором всех «фабульных» и мотивных «искажений».

Список литературы

- Андреев Н. П. Комментарии // Перро Ш. Сказки / Пер. под ред. М. Петровского). М.; Л.: Academia, 1936а. С. 357–388.
- Андреев Н. П. Сказки Перро // Перро Ш. Сказки / Пер. под ред. М. Петровского). М.; Л.: Academia, 1936б. С. IX–XXXIX.
- Боккаччо Дж. Декамерон. М.: Правда, 1989. 671 с.
- Братья Гримм. Сказки. М.: Россмэн, 1998. 144 с.
- Блюменфельд В. М. Шарль Перро // Перро Ш. Сказки. Л.: Худож. лит., 1936. С. 3–30.
- Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. М.: Вост. лит., 2003. 239 с.
- Зотова Т. А. Самоирония и самопародия в драматургии Л. Тика: два сюжета на религиозную тему (святая Геновева vs маленькая Красная Шапочка) // Новые российские гуманитарные исследования / Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького РАН. М., 2012. № 7.
- Калфаян А. Новая хрестоматия. Париж: Св. Пуэрте, 1861. 416 с.
- Макарян А., Согоян А. По следам изложения армянской сказки (Перро, братья Гримм, Акоп Паронян) // Вестн. 2017. № 4 (60), окт.-дек. С. 123–139.

Силантьев И. В. Нарратология и сюжетология: к разграничению предмета исследования // Сюжетология и сюжетография. 2014. № 1. С. 3–8.

Перро Ш. Сказки / Пер. под ред. М. Петровского. М.; Л.: Academia, 1936. 144 с.

Перро Ш. Красная шапочка // Литературные сказки зарубежных писателей. М.: Дет. лит., 1982. С. 29–30.

Перро Ш. Сказки матушки гусыни, или Истории и сказки былых времен с поучениями. М.: Худож. лит., 1991. 142 с.

Фаттахова С. В. К вопросу о некоторых особенностях поэтики сказок Ш. Перро // Филология и культура. 2006. № 5. С. 62–70.

Эко У. О литературе: Эссе. М.: Издательство АСТ; CORPUS, 2016. 416 с.

Grimms Märchen (Mit einem Vorwort von Michael Maar). 1. Auflage. Berlin: Tulipan Verlag, 2010. 201 S.

Maar M. Aufs Klavier, aufs Klaviert (Vorwort) // Grimms Märchen (Mit einem Vorwort von Michael Maar). 1. Auflage. Berlin: Tulipan Verlag, 2010, S. 5–7.

Schede H.-G. Die Brüder Grimm. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004. 240 S.

Simyan T., Kačāne I. Towards the Understanding of the Concepts “Modernity,” “Modernism” and “Avant-Gardism” in (Post)-Soviet and German Literary Theory (An Attempt of Terminological Unification) // ISPS Convention 2017 “Modernization and Multiple Modernities”. Dubau, United Arab Emirates, 2018. Vol. 2018. P. 1–31.

T. S. Simyan

Yerevan State University

**ON TYPOLOGICAL PLOT OF LITTLE RED RIDING
(BY EXAMPLE PERRAULT, THE BROTHERS GRIMM, KALFAYAN, PARONYAN,
TALENE DADIAN WHITE)**

In typological terms, the motipheme (Pike’s term) is the “divergence” between the primary European “invariants” (Perrault, the Brothers Grimm), as well as, their transpositions, “emanations” in Armenian translations and transpositions. The article takes into consideration theoretical preconditions of V. Propp, A. Dantes, Yu. Lotman, etc., as well as, carries out depictions due to semiotic and typological key. The motipheme and typological analysis of the empirical material showed that the version of Little Red Riding Hood of Perrault was addressed to the adult recipient, and the Brothers Grimm’s – to the children. Recipients and cultural context (Enlightenment, Romanticism) played an important role in the processing of folklore material. The motipheme and functions of the fairy tale played a significant role in the construction of the author’s narration. The Armenian-American version of the Little Red Riding Hood by Talene Dadian White (Little Red Hood and the Kesh Kayl: The Armenian Version of Little Red Riding Hood, 2011) is presented as a neutral version in relation to the European primary sources. The main story of the fairy tale is taken from Perrault, but with some editing, that is, without horrific moments, since the addressee of this tale are the children of preschool age of the Armenian diaspora living in extralinguistic space of their ancestors.

Keywords: Little Red Riding Hood, motif, motifeme, author’s fairy tale, fairy tale typology, function, text transformation.

References

Andreev N. P. Kommentarii [Comments]. In: Perro Sharl’. Skazki. Transl. and ed. by M. Petrovsky. Moscow, Leningrad, Academia, 1936, p. 357–388. (in Russ.)

Andreev N. P. Skazki Perro [Fairy tales of Perrault]. In: Perro Sharl’. Skazki. Transl. and ed. by M. Petrovsky. Moscow, Leningrad, Academia, 1936, p. IX–XXXIX. (in Russ.)

Blyumenfeld V. M. Sharl’ Perro [Charles Perrault]. In: Perro Sharl’. Skazki. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1936, p. 3–30. (in Russ.)

- Bokkachcho D. Dekameron. Moscow, Pravda, 1989, 671 p. (in Russ.)
- Brafiya Grimm. Skazki [Fairy tales]. Moscow, Rossmen, 1998, 144 p. (in Russ.)
- Dandes A. Fol'klor: semiotik i / ili psikhoanaliz: Sbornik statey [Folklore: semiotics and / or psychoanalysis: Collection of papers]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2003, 239 p. (in Russ.)
- Eko U. O literature: esse [On Literature. Essays]. Moscow, Izdatel'stvo AST: CORPUS, 2016, 416 p. (in Russ.)
- Fattakhova S. V. K voprosu o nekotorykh osobennostyakh poetiki skazok Sh. Perro [To the Question of some Features of poetics Fairy tales Charles Perrault]. In: Filologiya i Kul'tura, 2006, p. 62–70. (in Russ.)
- Grimms Märchen (Mit einem Vorwort von Michael Maar). 1. Auflage. Berlin, Tulipan Verlag, 2010, 201 S.
- Kalfayan Ambrosius. Khrestomatiya [Reader]. Paris, Sv. Puerte, 1861, 416 p. (in Russ.)
- Maar Michael. Aufs Klavier, aufs Klaviert (Vorwort). In: Grimms Märchen (Mit einem Vorwort von Michael Maar). 1. Auflage. Berlin, Tulipan Verlag, 2010, S. 5–7.
- Makaryan A., Sogoyan A. Po sledam izlozheniya armyanskoy skazki (Perro, brat'ya Grimm, Akop Paronyan) [Following the traces of Renderings of a famous tale (Charles Perrault, Brothers Grimm, Hakob Paronyan)]. *Vem*, 2017, no. 4 (60), October – December, p. 123–139. (in Russ.)
- Perro Sh. Krasnaya shapochka [Little Red Riding Hood]. *Literaturnye skazki zarubezhnykh pisateley*. Moscow, Detskaya literatura, 1982, p. 29–30. (in Russ.)
- Perro Sh. Skazki [Fairy tales]. Transl. and ed. by M. Petrovsky. Moscow, Leningrad, Academia, 1936, 144 p. (in Russ.)
- Perro Sh. Skazki matushki gusyni, ili Istorii i skazki bylykh vremen s poucheniyami [Stories or Fairy Tales from Past Times with Morals or Mother Goose Tales]. Moscow, Khudozhestvennaya litteratura, 1991, 142 p. (in Russ.)
- Schede Hans-Georg. Die Brüder Grimm. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 2004, 240 S.
- Silantev I. V. Narratologiya i syuzhetologiya: k razgranicheniyu predmeta issledovaniya [Narratology and Theory of Plot: to the Delimitation of the Research Subject]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*, 2014, no. 1, p. 3–8. (in Russ.)
- Simyan T., Kačãne I. Towards the Understanding of the Concepts “Modernity,” “Modernism” and “Avant-Gardism” in (Post)-Soviet and German Literary Theory (An Attempt of Terminological Unification). *Towards the Understanding of the Concepts “Modernity,” “Modernism” and “Avant-Gardism” in (Post)-Soviet and German Literary Theory (An Attempt of Terminological Unification)*. In: *ISPS Convention 2017 “Modernization and Multiple Modernities”*. United Arab Emirates, Dubau, 2018, vol. 2018, p. 1–31.
- Zotova T. A. Samoironiya i samoparodiya v dramaturgii L. Tika: dva syuzheta na religioz-nuyu temu (svyataya Genoveva vs malen'kaya Krasnaya Shapochka) [Selfirony and selfparody in L. Tieck's drama: two narratives with religious context (holy Genevieve vs Little Red Riding Hood)]. *Novye rossyiskie gumanitarnye issledovaniya*. Moscow, A. M. Gorkiy Institute of World Literature RAS, 2012, no. 7. (in Russ.)

Tigran S. Simyan – Doctor of Science, Professor of the Department Foreign (German) Literature, The Department of Romance and Germanic Philology, Yerevan State University (1 Alex Manoogian, Yerevan, 0025, Republic of Armenia, tsimyan@ysu.am)